

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'23+81'366

Л.С. Абросимова

ИСТОКИ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ КОГНИТИВНОЙ ДЕРИВАТОЛОГИИ

Цель проведенного автором исследования – обнаружить истоки когнитивной дериватологии, а также уточнить место исследованных словообразовательных процессов в общем спектре работ, исповедующих принципы когнитивной науки. Автор отстаивает точку зрения о том, что продуцирование дериватов обуславливает закрепление человеческого опыта, что приводит к отражению в словообразовательных единицах когнитивных итогов осмысления мира как языковой личностью, так и целым языковым сообществом.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; когнитивная дериватология; дериват; концепт; категоризация.

Изучение процессов словообразования имеет достаточно продолжительную историю. Еще Платон устами Сократа в диалоге с Гермогеном интересуется, как происходит создание слова и кто является его автором (см. знаменитый спор «о правильности имен»). По Сократу, слово создает законодатель – «номотетес», и он должен как можно ближе приблизиться к истинной сущности вещи, т.е. в слове должна заключаться идея вещи. С точки зрения словотворчества первые именованья или «первые слова» (в терминологии стоиков) сохраняют свою чувственную, осязаемую, прямую связь с предметами, отражая их сущность, под которой могут полагаться как способы включенности предмета в человеческую деятельность, так и их функциональная или ценностная характеристика.

Когнитивная лингвистика зародилась, первоначально объединяемая лишь познавательными установками и исходной гипотезой о разуме как вычислительном устройстве, оперирующем символами на основе определенного алгоритма. Первые лингвисты-когнитологи принципиально абстрагировались от повседневного, обыденного познания и естественного языка в попытках построения «чистого языка», лишённого всякого рода философских обобщений и других злоупотреблений. Такой «идеальный» язык должен был стать универсальным языком науки, обеспечивающим непротиворечивость и единство научного знания (физикализм). Предпосылками этого фундаментального смещения явились: зарождение генеративной грамматики Н. Хомского с ее понятием «глубинной структуры», активная разработка проблем лингвистической семантики, возникновение новых направлений, таких как лингвистическая прагматика, теория текста, а также современной теории грамматикализации. Со временем, накапливая опыт и материал, когнитивная лингвистика обретает свой предмет и категориальный аппарат.

В настоящее время в России когнитивной лингвистикой по многим направлениям занимается огромное количество ученых, среди них О.А. Алимуратов, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, Л.М. Борисенкова, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, А.Е. Кибрик, И.М. Кобозева, М.С. Косырева, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина, З.И. Резанова, Т.А. Сидорова, И.А. Стернин и др.

На практике когнитивная лингвистика может быть сведена к двум основным областям: *когнитивной се-*

мантике и когнитивной грамматике (когнитивным подходам к грамматике). Объектом внимания когнитивной семантики являются знания и представления носителей культуры о внеязыковой действительности, отраженные в единицах языка. Когнитивная грамматика рассматривает грамматические концепции, или грамматические модели описания языков, ориентированные на изучение когнитивных аспектов языковых явлений (на их объяснение по их связи и сопряженности с процессами познания мира и такими когнитивными феноменами, как восприятие, внимание, память, мышление и др.). Когнитивную *семантику* можно определить как «сверхглубинную семантику», как попытку рассмотреть за семантическими (грамматическими) категориями некоторые общие понятийные категории, спровоцированные процессом освоения мира человеческим познанием. Наиболее яркие работы о повороте от лингвистической семантики к когнитивной грамматике представлены трудами американских лингвистов Л. Талми и Р. Лангакера. Так, например, Л. Талми разработал ряд концептуальных суперкатегорий, к которым могут быть сведены самые разнообразные грамматические явления [1].

Из всех направлений когнитивных исследований наибольший интерес для нас представляет изучение процессов производства и интерпретации естественного языка, а также положений языковой категоризации. Одним из приоритетных направлений когнитивной лингвистики, истоки которого мы и стремимся описать в данной работе, является *когнитивное словообразование*.

В последнее время процессы деривации интересуют лингвистов-теоретиков, принадлежащих к различным направлениям и течениям, из-за того, что они в значительной степени проливают свет на другие языковые аспекты. К сожалению, среди ученых пока еще нет согласия в вопросах методологии и основной теоретической базы для изучения процессов словообразования, т.е. данная область языкознания в настоящее время нуждается в упорядочении и унификации. На данный момент не существует единой «словообразовательной теории» и нет согласия в том, какие данные можно считать релевантными для ее построения.

Многие лингвисты согласны с тем, что предмет науки о словообразовании до настоящего момента не получил достаточного внимания ни у ученых, работающих в сфере английской дескриптивной грамматики, ни у

представителей общей лингвистики. В. Адамс выделяет, по крайней мере, две основные причины того, почему предмет словообразования не привлекал внимания лингвистов: во-первых, его связь с экстралингвистическим миром предметов и понятий, где слова служат средством наименования; во-вторых, его сомнительное положение между дескриптивной лингвистикой и историческим языкознанием [2].

Интерес к словообразованию всегда сопровождался интересом к языку в целом, что может быть доказано отдельными комментариями и работами на тему словообразования со времен древнеиндийского лингвиста Панини, который детально описал деривационные процессы в санскрите. Значительная часть современных теорий значения, теории номинации и словообразования «не только явственно коренится в семантических и семиотических идеях античности и Средних веков, но, по существу, сводится к переформулированию этих идей в новых (а порой и старых, но частично переосмысленных) терминах» [3. С. 31]. Известно, что порой новое зримо открывается в древних пластах культуры тогда, когда накопленный опыт и достижения всей науки в целом задают такой угол зрения, который позволяет нам увидеть то, что для людей прежних эпох было terra incognita. Те вопросы и задачи, которые были поставлены учеными-лингвистами еще в XVII, XVIII и XIX вв. (см. [4, 5] и др.), остаются актуальными и вызывают сложности и противоречия во взглядах до сих пор.

В дериватологии двумя основными и традиционными направлениями анализа изучаемого материала являются *описательное*, или *дескриптивное*, (главным образом связанное с *синтагматическим* аспектом образования новых лексических единиц), в центре внимания которого находятся отношения между производящей и производной основами, выявляется специфика их морфемной и словообразовательной структур, и *парадигматическое*, в рамках которого освещаются такие вопросы, как определение и описание типов словообразовательных значений, отношения между словообразовательными средствами, а также теория наименования. В последнее время появляются и развиваются новые подходы к описанию словообразовательных процессов и единиц – ономаσιологический, гнездовой, социолингвистический, когнитивный и др. Как следствие, в современной дериватологии отсутствует единство в применении понятийно-терминологического аппарата и методик анализа, несмотря на то, что во второй половине XX в. были проведены значительные исследования в сфере ономаσιологического словообразования (труды представителей Пражского лингвистического кружка, М. Докулила и его последователей, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, И.С. Улуханова и др.). Когнитивное словообразование и призвано «навести порядок» в такой разнообразии подходов и точек зрения.

Все подходы к изучению языка и языковых структур, по заявлению В. Адамс [2. С. 5], были впервые разделены Ф. де Соссюром на *синхронные*, предусматривающие рассмотрение состояния языка как установившейся системы в определенный момент времени, и *диахронные*, подразумевающие рассмотрение в качест-

ве предмета лингвистического изучения историческое развитие тех или иных языковых явлений и языковой системы в целом. Данное разделение подходов сильно повлияло на последующее развитие лингвистического учения, в частности на изучение словообразования, где наиболее продуктивным является совокупное рассмотрение синхронии и диахронии.

Основная мысль Ф. де Соссюра в этом вопросе состоит в том, что «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» [6. С. 34]. Таким образом, хотя некоторые ученые, например О. Джесперсен [7], сумели объединить синхронный и диахронный подходы к изучению процессов деривации, большинство лингвистов стали рассматривать словообразование исключительно либо с точки зрения *синхронии* [8], либо с точки зрения *диахронии* [9].

Вместе с тем существует точка зрения, что словообразование является всегда диахронным [10], однако фактически опровергаемая тем, что теория словообразования может предсказывать появление новых слов и условия такого появления, а также выявлять правила, по которым говорящий создает новые производные и сложные слова в синхронии, т.е. на данном этапе развития языка.

В 1957 г. произошла так называемая «хомскианская революция» [11], связанная с выходом в свет книги Н. Хомского «Синтаксические структуры» [12], которая привела к возникновению *когнитивной науки* [13. С. 15]. Год выхода работы принято считать также отправной точкой развития генеративной лингвистики. Публикация «Синтаксических структур» коренным образом изменила подход к языку, принятый большинством известных лингвистов. Странников американского структурализма главным образом волновало изучение языковых структур, меньше – слова, а не деривационные процессы [2. С. 5].

В трансформационной генеративной грамматике также не было места словообразованию, т.к. в ней изучались структуры фраз и предложений, хотя последние, с точки зрения данного подхода, состояли не из слов, а из морфем (здесь четко прослеживается базирование трансформационной генеративной грамматической теории на американском структурализме). Слова как таковые в действительности не играли особой роли. Ученый-лингвист Р. Лииз [14], один из сторонников *трансформационной* порождающей грамматики, рассматривал возникающие в языке слова не как отдельные языковые единицы, а как особые типы «вложенного предложения» (*embedded sentence*). Данный подход являлся стандартным для большинства трансформационных учений, и лишь немногие лингвисты [15] рассматривали другие вопросы словообразования.

В 1960 г. вышла книга Х. Марчанда «Категории и типы современного английского словообразования» («*The Categories and Types of Present-Day English Word-formation*») [16], пролившая свет на словообразовательные процессы в английском языке в свете как синхронного, так и диахронного подходов. Х. Марчанда, в частности в Европе, считают «отцом» современной словообразовательной теории, а его книгу – «действи-

тельно монументальной работой» [17. С. 120], которая «...представляет собой новый этап в развитии методов подхода к обширному предмету словообразования; это решительный шаг от традиционного диахронно-компаративистского к синхронно-дескриптивному рассмотрению...» [18. С. 9]. Книга «Категории и типы современного английского словообразования» обозначила переломный момент в истории исследования процессов деривации во многих языках главным образом благодаря двум фактам: 1) в ней были определены границы словообразования как самостоятельной лингвистической дисциплины; 2) в ней были даны полные и системные пути решения многих фундаментальных проблем словообразования в английском языке. Базируясь на знаниях о словообразовательных процессах того времени и придерживаясь структуралистских традиций, Х. Марчанд разработал свою собственную оригинальную теорию на основе использования большого объема эмпирического материала, с глубоким анализом отдельных деривационных процессов и многочисленными примерами. Работа в значительной степени повлияла на взгляды других лингвистов, в частности, на учеников Х. Марчанда: Д. Кастовски, Г. Бреккли, К. Хансена, Л. Липка, Г. Штейна и др., которые развили теорию своего учителя и обогатили ее рядом ценных идей.

Другой лингвист, Р.Б. Лииз, в своей работе «Грамматика английских номинализаций» («*The Grammar of English Nominalizations*») попытался дать детальное описание «правил, которые потребуются в английской грамматике для обеспечения правильного образования всех грамматических предложений, характеризующихся различными видами компонентов именных конструкций» [14. С. 113]. Несмотря на то, что работа была главным образом посвящена вопросам синтаксиса, она дала огромный толчок многочисленным и противоречивым дискуссиям по ряду проблем словообразования и стала основой для развития трансформационной теории.

Важным вкладом в теорию словообразования стала написанная в 1964 г. монография К. Циммера «Аффиксальное отрицание в английском и других языках: исследование ограниченной продуктивности» («*Affixal Negation in English and Other Languages: An Investigation of Restricted Productivity*») [15], в которой автором делается акцент на необходимость выделения различных уровней продуктивности языковых единиц, обусловленных разнообразными формальными и/или семантическими ограничениями. Работа К. Циммера стала первым комплексным анализом подобного рода в английском языке и высоко ценилась с методологической точки зрения. К. Циммер проводит тщательный анализ отрицательной префиксации преимущественно в английском языке. В настоящее время работу можно расценивать как «классическое» учение о продуктивности, ограничениях на продуктивность и объединение в блоки языковых единиц.

Э.В. Пеннанен отличался от других лингвистов тем, что в своей работе «Достижения в изучении обратного словообразования в английском языке» («*Contributions to the study of back-formation in English*») [19] уделил основное внимание «второстепенным» способам словообразования, таким как обратное словообразование и

конверсия. Он рассматривал обратное словообразование как словообразовательный процесс (в диахронии), определял и описывал его продуктивные типы (в синхронии). Итогом деятельности ученого по этой теме стала работа «Что происходит при обратном словообразовании?» («*What happens in back-formation?*») [20], в которой он предложил выделить шесть типов данного явления, три из которых – глаголообразующие типы – являются наиболее продуктивными в английском языке (87% всех слов, образованных в результате обратного словообразования, – глаголы) [21. С. 75].

В то время как статья Н. Хомского «Заметки о номинализации» («*Remarks on Nominalization*») [22] положила начало так называемой лексикалистской гипотезе, которая должна была развиваться в наиболее мощное лингвистическое течение в отношении словообразования в английском языке, в особенности в США, монография Бреккли («*Generative Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der Englischen Nominalkomposition*») [23] была выполнена целиком и полностью в традициях Н. Хомского.

Ученый-лингвист П. Стекауер считает, что данную работу можно расценивать как результат оригинального и изобретательного применения принципов логики предикатов в области словообразования, в связи с чем она выделяется из общего потока базирующихся на языковой форме словообразовательных научных трудов [21. С. 84], а также как «генеративное решение на основе семантики» [4. С. 71]. Основной целью Бреккли было описание именных сложных слов английского языка на основе генеративной модели с учетом принципа логики предикатов.

Нет необходимости говорить об огромном вкладе Ноама Хомского в развитие лингвистики. Вышеупомянутая работа ученого «Синтаксические структуры», написанная в 1957 г., оказала большое влияние на развитие науки о языке во всем мире. После выхода данного научного труда многие ученые считали правомочным говорить о «смене научной парадигмы» (по Т. Куну – «*paradigm shift*») [24], или «хомскианской революции» в лингвистике [11].

В работе Н. Хомского «Логическая структура лингвистической теории» («*The Logical Structure of Linguistic Theory*») [25], написанной в 1955 г. и переизданной в 1975 г., ученым было введено понятие *трансформационной грамматики* и впервые высказано фундаментальное положение о врожденном характере способности говорить на языке. В теории Н. Хомского рассматриваются наиболее абстрактные «глубинные структуры», соответствующие менее абстрактным «поверхностным структурам», которые, в свою очередь, соответствуют разнообразным последовательностям слов (выражениям) [25].

Последователь Н. Хомского Стивен Пинкер считает, что язык следует рассматривать как «результат эволюционной адаптации, подобно глазу, основные части которого предназначены выполнять важнейшие функции» [26. С. 9–10]. Данная позиция отталкивается от теории «глубинных структур» Н. Хомского, которая отстаивала существование универсальных врожденных правил, зафиксированных в мозге и определяющих языковые способности человека.

Вразрез с мнением Ст. Пинкера идет теория А.М. Шахнаровича о языковой способности, отстаивающая положение о том, что языковая способность формируется при овладении системой языка в детстве. Под языковой способностью понимается многоаспектная функциональная система, «являющаяся средством отражения и генерализации элементов системы родного языка» и включающая «ряд компонентов – фонетический, лексический, грамматический и семантический – и специфические правила прескриптивного типа, по которым осуществляется выбор средств, необходимых для решения коммуникативной задачи» [27. С. 213].

В работе «Заметки о номинализации» (1970) традиционное понятие «слово» было вновь введено в генеративную лингвистику. Н. Хомский выявил некоторые лексические закономерности с точки зрения «лексических правил»; эти правила отличались по своей природе от трансформационных правил построения предложения. По мнению ученого, лексические правила – это «правила избыточности», т.е. такие, которые выявляют закономерности в лексических элементах [22]. По утверждению К.П. Моханана, это «было началом признания того, что структура слова и структура предложения не подчинялись одному и тому же ряду принципов и что они принадлежали различным разделам грамматики» [28. С. 4]. С. Скалайз добавляет, что «“Заметки...” создали теоретическое пространство для автономного морфологического компонента, возможность, которая была эксплицитно исключена в ранних работах по трансформационной генеративной грамматике» [29. С. 24]. Хотя в ранних работах по трансформационной и генеративной грамматике словообразование не рассматривается как отдельное или независимое явление, все связанные с ним вопросы и проблемы обсуждаются в контексте широко понимаемого синтаксического компонента [21. С. 103].

Книга В. Адамс «Введение в современное английское словообразование» («*An Introduction to Modern English Word-formation*») (1973) не привносит собственно новой словообразовательной теории, автор сама заявляет, что работа «главным образом связана с данными и с классификацией данных» [2. vii]. Однако книга отражает ясное понимание сложности проблем английского словообразования и предоставляет их оценку, основанную на фактических данных. Работа представляет собой систематический и углубленный анализ основных деривационных процессов в английском языке с выделением семантического принципа в качестве основного, который в будущем ляжет в основу изучения словообразования.

Говоря об истоках когнитивной дериватологии, нельзя не отметить значительный вклад отечественных лингвистов, чьи исследования сыграли большую роль в попытках создания модели языковой деятельности, в центре которой человек и его познавательный потенциал.

В отечественной лингвистике словообразование как наука выделилось в 40–50-е гг. XX в., в основном благодаря В.В. Виноградову. Особенно плодотворными являются его идеи по поводу необходимости изучения словообразования как системы. Специфика словообразования как особой подсистемы внутри общей системы языка определяется его связями со смежными («сосед-

ними») подсистемами [30]: а) словообразование – основное средство создания номинативных единиц языка, которое «работает» на лексику и поэтому зависит от нее; б) для построения новых слов словообразование использует арсенал средств, подобный тому, который используется для построения словоформ, этим объясняется близость словообразования и морфологии [31. С. 100]; в) структура производного слова может быть уподоблена синтаксической конструкции, поэтому словообразование некоторыми своими чертами подобно синтаксису и сближается с ним, недаром в последнее время говорят о синтаксисе морфем (*гипосинтаксисе*) [32].

По мнению многих ученых, например Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, Н.М. Шанского и др., словообразование определяется с момента своего возникновения в качестве самостоятельного раздела науки о языке как наука, занимающаяся изучением образования и строения производных слов. Новые слова, или неологизмы, образуются в языке по определенным правилам, моделям, схемам – по установленным образцам, которые в совокупности образуют целый языковой механизм, который и называется словообразованием. При этом изучение происходит как в рамках статического аспекта, при котором подвергается анализу сама словопроизводственная структура слов, так и с точки зрения динамического аспекта, т.е. процесс образования новых слов (Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, И.С. Торопцев и др.).

Система синхронного словообразования представляет собой многомерную иерархическую организацию, формируемую сложной сетью оппозиций различных единиц и структур. Основная единица словообразования – производное слово – входит, с одной стороны, в комплексные единицы, с другой стороны, само не является неразложимым, а состоит из простейших («внутрисловных») единиц-морфем. Эти последние могут быть названы минимальными единицами, так как их дальнейшее членение дает отрезки, лишённые плана содержания [31. С. 100].

Помимо производных слов, в языке различают первообразные, примарные слова – непроизводные, такие как, например, дом, земля, лес, стол, идти, зеленый и др. Соответствующими производными данным непроизводным словам являются следующие: домовый, землянка, лесник, престольный, подойти, зеленоватый и др. *Словообразовательную систему* образует совокупность производных лексических единиц, при этом сама система, в свою очередь, состоит из двух подсистем: *словообразовательных типов и словообразовательных гнезд*, о которых более подробно будет сказано ниже.

В деривационных процессах не просто образуется новое слово, но зачастую деривация подразумевает под собой еще и процесс образования новых смыслов. По Ф. де Соссюру, разделившему языкознание на синхронное и диахронное, объектом синхронного словообразования являются только производные слова, т.е. те слова, в составе которых можно четко определить существующие в современном английском языке морфемы. С точки зрения диахронного подхода к словообразованию объектом изучения являются слова, которые могут образовываться в языке в любое время за счет

собственных средств языка, на базе уже существующих в языке слов, но при этом практически не уделяется внимания их составу (структуре) и взаимоотношениям с другими словами. Таким образом, диахроническое словообразование изучает процесс превращения одних единиц в другие, а синхроническое словообразование – отношения уже существующих в языке единиц.

При изучении правил образования производного слова из минимальных единиц (морфем) обнаруживаются как *синтагматические* (закономерности сочетания единиц), так и *парадигматические* (закономерности чередования единиц) отношения. *Синтагматические* словообразовательные отношения подразумевают некие закономерности сочетания единиц, а под *парадигматическими* словообразовательными отношениями понимаются некие закономерности чередования единиц. Оба типа отношений обнаруживаются при изучении правил образования производного слова из минимальных единиц (морфем).

По словам Ю.С. Степанова, синтагматические отношения представляют собой линейные отношения между языковыми единицами в потоке речи (принцип конъюнкции – «и-и»), а парадигматические отношения подразумевают отношения между взаимозаменяемыми в одной и той же позиции языковыми единицами (принцип исключающей дизъюнкции – «или-или») [33. С. 302].

Синтагматические отношения выявляются при изучении: 1) свойств сочетаемости (валентности) морфем, т.е. условий выбора морфем основы аффиксальных морфем или аффиксальными морфемами основных, и различных ограничений, накладываемых на эту сочетаемость; 2) морфонологических условий взаимоприспособления морфем, которые действуют при объединении морфем в слово [30. С. 101]. В.В. Виноградов считает, что «особенностью словообразующего аффикса (грамматической морфемы) является то, что в огромном большинстве случаев он не может быть использован вполне самостоятельно, а должен быть как бы привязан или припаян к строго определенному (морфологически и лексически) корневому элементу, в зависимости от которого находится и его значение. Правила спайки зависят от фонеморфологических и лексико-семантических условий» [Там же. С. 196].

Парадигматические отношения наблюдаются при идентификации морфем, т.е. в том, какие из представленных в словах морфем составляют одну более общую единицу – морфему. Как отмечает Д.Н. Шмелев, «парадигматические ряды стали определяться в связи с... теми существенными отличительными (дифференциальными) признаками, которые и определяют противопоставленность каких-то членов этих рядов, характеризующихся тождеством других признаков» [34. С. 11]; понятие парадигмы «стало применяться к таким рядам единиц, которые находятся в отношении корреляции по определенным признакам» [Там же].

В системе словообразования (наряду с простыми единицами) существуют единицы комплексные, которые и представляют собой реализацию парадигматических отношений. Это такие единицы, как *словообразовательный тип*, *словообразовательная категория*, *словообразовательное гнездо* и *словообразовательная*

парадигма. Выделение подобных единиц, несомненно, связано со стремлением к изучению явлений изоморфизма в строении различных подсистем языка [31. С. 103].

Словообразовательный тип – это комплексная единица словообразования, построенная на бинарных отношениях между производящей и производной основами. М. Докулил ввел понятие *словообразовательной категории* [35. С. 203] – более общей единицы, чем словообразовательный тип, в которой отсутствует единство форманта (дериватора), служащего средством выражения словообразовательного значения. Словообразовательная категория образуется путем объединения словообразовательных типов с общим деривационным значением производящих основ [31. С. 102–103].

Понятие *словообразовательная парадигма* применяется с 70-х гг. XX в. А.Н. Тихонов использует данный термин как синоним термина «словообразовательное гнездо» [36. С. 29; см. в связи с этим критику: 37]. Вл. Стракова при употреблении термина подразумевает под ним «цепочку производных, имеющих одну основу» (*учить – учитель – учительство – учительствовать*) [38]. Словообразовательная парадигма – набор производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на единой ступени деривации [31. С. 105]. Данное понятие плодотворно разрабатывается К. Бузашиовой в книге «Семантическая структура словацких отглагольных существительных» [39].

Понятие словообразовательной парадигмы менее сложное и более широкое: оно абстрагируется от ступенчатого характера словообразования и включает производные как от непродвижных слов, так и от производных; отдельные словообразовательные парадигмы составляют части *словообразовательного гнезда*, входя в него в виде определенным образом упорядоченных рядов производных [31. С. 108–109].

Итак, вопросы, поставленные в рамках системно-структурного подхода в теории словообразования, а именно исследование словообразовательных типов (Л.А. Араева, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, В.В. Иванов, В.В. Лопатин, И.С. Улуканов, Н.Ю. Шведова, М.Н. Янценецкая и др.), словообразовательных гнезд и парадигм (Е.А. Земская, Т.С. Морозова, А.Н. Тихонов и др.), словообразовательных категорий и полей (Л.С. Абросимова, Р.С. Манучарян, Е.В. Муругова, О.Г. Ревзина, Е.А. Редкозубова, И.Ф. Погребная и др.), дали толчок разработке идей когнитивизма в дериватологии. А утверждению данного направления послужили исследования деривационных процессов в ономазиологическом аспекте (Н.Д. Арутюнова, М. Докулил, Е.С. Кубрякова, З.А. Харитончик), изучение процессов порождения новых слов с точки зрения пропозитивных основ формирования словообразовательной семантики (Ю.Г. Панкрац, М.Н. Янценецкая, З.И. Резанова, Л.А. Араева, М.А. Осадчий и др.) создание методик фреймового моделирования (З.И. Резанова, М.С. Косырева и др.).

Изучение подлинного словообразования с точки зрения ономазиологии было начато еще М. Докулилом, который утверждал, что создание производного слова – это подведение обозначаемого под одну из базовых категорий человеческого опыта, формирующих, по его мнению, ономазиологическую основу обозначаемого

[35]. При этом последнему приписывался определенный именуемый признак, формируемый основой мотивирующего слова. По мнению М. Докулила, суффикс выражал ономаσιологический базис, а основа являлась выразителем признака.

Дальнейшее изучение ономаσιологического словообразования продолжила Е.С. Кубрякова. В результате разработки концепции М. Докулила ею был выделен третий компонент ономаσιологической структуры производного слова – *ономаσιологический предикат*. Описание семантики дериватов типа *пианист, стилист, сценарист* требует восстановления предиката с ономаσιологическим признаком (*играть на пианино, создавать стиль, писать сценарий*).

Е.С. Кубрякова отмечает подлинно когнитивную природу номинативной функции словообразования – функции «ословливания и означивания мира», так как она «связана с выделением и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» [40. С. 407].

Пропозитивные основы формирования словообразовательной семантики также рассматриваются предпосылкой создания новой парадигмы изучения дериватологии. Концептуальная структура лежит в основе семантики производного слова и имеет вид пропозиции. Е.С. Кубрякова утверждает, что «словообразовательные модели разного типа можно рассматривать как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры», актуализируемой производными словами [Там же. С. 412]. У большинства словообразовательных моделей есть сходные модели в системе репрезентации знаний. Производная семантика в сжатом виде репрезентирует определенную пропозицию с рядом элементов, связанных синтаксическими позициями и отношениями, которые могут быть множественными, что находит отражение в идеях о множественности мотивирующих суждений и полимотивации. Категории падежной грамматики, которые начали применяться Е.С. Кубряковой в отношении деривационных явлений, позволили в дальнейшем рассматривать пропозицию в качестве первостепенной единицы анализа семантики производного слова.

Ономаσιологический и пропозициональный подходы и полученные в результате их использования лингвистические данные подготовили почву для возникновения и развития когнитивного подхода в изучении производных слов и обеспечили «доступ» к изучению глубинных структур дериватов. На современном этапе когнитивная научная парадигма в лингвистике становится все более популярной, и опыт когнитивных исследований в данном направлении быстро накапливается.

Таким образом, сформировавшееся с начала 70-х гг. прошлого столетия ономаσιологическое направление в анализе языка стало причиной немалого интереса лингвистов к важности человеческого фактора в языке, и такой подход успешно сочетает в себе когнитивную

ориентацию анализа с коммуникативной. По мнению З.И. Резановой, в языковой онтологии когнитивная и коммуникативная функции «существуют в неразрывном единстве, взаимно обуславливая друг друга: любая коммуникация когнитивно детерминирована, а человеческая когниция глубинно коммуникативна» [41. С. 196–197].

В целом система словообразования русского и английского языков очень подвижна, поэтому быстро откликается на любые изменения в обществе. Изменения в сфере политики, экономики, общественной жизни отражаются на языковых процессах, в том числе и на словообразовании. Социальными причинами на деривационном уровне стимулируются законы аналогии образования новых слов, экономии речевых средств и т.д. Человеку присуще искать названия всему тому, что представляет для него важность. В основе осуществления процесса вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, который позволяет устанавливать различные ассоциации по сходству, по смежности, а также категоризировать и субкатегоризировать объективную действительность. При этом процессы мышления реализуются в процессах номинации, что и доказывает когнитивный характер словопроизводства. Концепты, лежащие в основе формирования семантики производного слова, соотносятся определенным образом с концептуальными признаками словообразовательного форманта и признаками производящей основы. Так, семантику производящей базы можно представить как своеобразный когнитивный фон, уточняемый и структурируемый посредством семантики деривационных формантов. Интересно отметить, что семантика формантов также репрезентирует определенный компонент концептосферы языковой личности, что и позволяет говорить о предикативных, полупредикативных и т.п. отношениях, складывающихся между определенными элементами смысла, концептами и концептуальными областями.

Деривационные процессы занимают одно из ключевых мест в процессе познания мира через единицы естественного языка, и само «словообразование следует рассматривать как систему обеспечения потребностей в выделении и фиксации особых структур (ментальных репрезентаций опыта и знаний человека), т.е. “упаковки” в языковые формы, отвечающие определенным формальным и содержательным требованиям» [40. С. 393–394]. По мнению Е.С. Кубряковой, «в компетенцию словообразования входит его участие в формировании языковой картины мира, в актах категоризации, в процессах когнитивной обработки поступающей к человеку информации» [Там же].

В результате протекания познавательных процессов язык постоянно обогащается и развивается, а производство дериватов прежде всего обуславливает закрепление человеческого опыта, что приводит к отражению в словообразовательных единицах когнитивных итогов осмысления мира как языковой личностью, так и целым языковым сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 30–48.
2. Adams V. An introduction to Modern English word-formation. Longman, 1973. 230 p.

3. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М. : Смысл, 2001. 392 с.
4. Brekle H.E. Reflections on the Conditions for Coining, Use and Understanding of Nominal compounds // Proceedings of the 12th International Congress of Linguistics. Innsbruck, 1978. P. 68–77.
5. Brekle H.E., Kastovsky D. Perspektiven der Wortbildungsforschung // Beitrage zum Wuppertaler Wortbildungskolloquium vom 9–10. Juli, 1976, anlässlich des 70. Geburtstag von Hans Marchand am 1. Oktober, 1977. (Gesamthochschule Wuppertal, Schriftenreihe Linguistik, i.) Bonn : Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1977. 235 p.
6. Соссов Ф. де. Курс общей лингвистики / русский перевод А.М. Сухотина, 1933. 244 с.
7. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Copenhagen, 1942. Pt. VI: Morphology. 570 p.
8. Bloomfield L. Language. London: Allen, 1935. Vol. IX. 566 p.
9. Koziol H. Handbuch der Englischen Wortbildungslehre. Heidelberg, 1937. 83 p.
10. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 147–179.
11. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М. : Институт языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
12. Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague : Mouton, 1957. 117 p. (Переиздание: Chomsky N. Syntactic Structures. De Gruyter Mouton, 2002. 117 p.).
13. Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики. Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 13–57.
14. Lees R.B. The grammar of English nominalizations. The Hague : Mouton de Gruyter, 1960. 322 p.
15. Zimmer K.E. Affixal Negation in English and Other Languages: An Investigation of Restricted Productivity // Supplement to Word. Vol. 20, № 2 (August, 1964). Monograph № 5. 105 p.
16. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. München : Verlag CH Beck, 1969. 545 p.
17. Zandvoort R.W. A Handbook of English Grammar. 2nd ed. London : Longmans, 1961. 349 p.
18. Penanen E.V. Conversion and zero derivation in English // Acta universitatis Tamperensis. Ser. A. Tampere, 1971. Vol. 40. 76 p.
19. Penanen E.V. Contributions to the study of back-formation in English // Acta academiae Socialis. Ser. A. Tampere, 1966. Vol. 4. 172 p.
20. Penanen E.V. What happens in back-formation? // Papers from the 2nd Scandinavian Conference of Linguistics / ed. by E. Hovdhaugen. Oslo : Oslo University Department of Linguistics, 1975. P. 216–299.
21. Stekauer P. English Word Formation // A History of Research (1960–1995). Tübingen : Narr, 2000. 501 с.
22. Chomsky N. Remarks on Nominalization // Readings in English Transformational Grammar / eds. by R. Jacobs, P. Rosenbaum. Ginn, Waltham, MA, 1970. P. 184–221.
23. Brekle H.E. Generative Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der Englischen Nominakomposition. München, Fink, 1970. 350 p.
24. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago : University of Chicago Press, 1962. 210 p.
25. Chomsky N. The Logical Structure of Linguistic Theory // MIT Humanities Library. Microfilm, 1955. 919 p. (New York ; London: Plenum Press, 1975 ; Chicago : University of Chicago Press, 1985.)
26. Пинкер С. Язык как инстинкт / пер. с англ. ; общ. ред. В.Д. Мазо. М. : Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
27. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. статей / Ин-т рус. языка РАН. М., 1995. С. 21–223.
28. Mohanan K.P. The theory of lexical phonology. Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1986. 219 p.
29. Scalise S. Generative Morphology. Foris ; Dordrecht, 1984. 249 p.
30. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. 371 с.
31. Земская Е.А. Язык как деятельность // Морфема. Слово. Речь. М. : Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
32. Skalička V. Hyposyntax // Slovo a slovesnost. Praha, 1970. № 1.
33. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975. 312 с.
34. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 280 с.
35. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Praha : Československa akad. ved, 1962. 264 p.
36. Тихонов А.Н. Морфема как значимая часть слова // НДВШ Филол. науки. 1971. № 6. С. 39–52.
37. Кубрякова Е.С., Соболева П.А. О понятии парадигмы и областях его применения // Седьмая научная конференция по вопросам германского языкознания: Тезисы докладов. М., 1977.
38. Straková V. Substantivní derivace . Praha, 1973. 234 p.
39. Vizáskyová K. Sémantická štruktúra slovenských devertatív. Bratislava, 1974. 240 p.
40. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // Ин-т рус. языка РАН. М. : Языки славянской культуры, 2004. (Язык. Семиотика. Культура.)
41. Резанова З.И. Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 195–199.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 апреля 2011 г.